

На правах рукописи

Крупникова Наталья Витальевна

**ВЛИЯНИЕ МОДЕЛЕЙ ИЗМЕРЕНИЯ ЛАТЕНТНЫХ ПЕРЕМЕННЫХ
НА РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О СОЦИАЛЬНОЙ УСТАНОВКЕ**

Специальность 22.00.01 – Теория, методология и история социологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

25 АПР 2013

Москва – 2013

005057825

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт социологии Российской академии наук, в Центре методологии социологических исследований.

Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор
Татарова Галина (Гульсина) Галеевна

Официальные оппоненты: доктор социологических наук, профессор
Девятко Инна Феликсовна, заведующая кафедрой анализа социальных институтов факультета социологии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
доктор социологических наук, профессор
Мягков Александр Юрьевич, заведующий кафедрой социологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина».

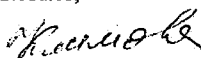
Ведущая организация: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет»

Защита состоится «__» _____ 2013 г. в __ часов на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д.002.011.01 при ФГБУН Институт социологии РАН по адресу: г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, ауд. 323.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН Институт социологии РАН по адресу: г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Автореферат разослан «__» _____ 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета Д 002.011.01,
кандидат философских наук

С. Г. Климова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Востребованность концепта «социальная установка» («аттитюд») в социологических исследованиях сложно переоценить. В связи с потребностями практики – в рамках прикладных исследований или как теоретически значимый концепт – в ходе фундаментальных построений социальная установка неизменно привлекает внимание социологов, несмотря на бесконечно ведущиеся споры относительно ее сущностного определения. Почти вековая история концепта обнаруживает самые различные, порой противоречивые способы трактовки его содержания: от устойчивой детерминанты поведения высокой степени общности до одномоментной контекстуально зависимой конструкции. Тем не менее, во многом благодаря представлению о роли социальной установки в *объяснении* социального действия интерес к ней как научному понятию не ослабевает. Исследовательская активность в этой области, отражая те или иные социально-научные влияния, ведет к изменениям в концептуальном содержании установки, т.е., к появлению и накоплению нового знания, которое требует анализа и систематизации.

Исследования социальной установки всегда тем или иным образом сопряжены с вопросом о способе ее изучения. В частности и в большинстве случаев, этот вопрос сводится к проблеме выбора модели ее измерения. В качестве таких моделей в социальных науках традиционно используются модели *латентных переменных*. Так, в социологическом исследовании положение социальной установки имеет свою специфику: выступая на уровне измерения как латентная переменная, с одной стороны, с другой – на уровне теоретического знания, установка является популярным объяснительным концептом. Особенности положения установки делают тему диссертационного исследования релевантной проблеме разрыва между языками теории и эмпирического исследования. Состояние этой общей проблемы в конкретной области исследований установки может диагностироваться путем анализа связей концептуальных представлений о социальной установке и моделей ее измерения.

Актуальность исследования представлений о социальной установке под влиянием моделей измерения определяется также возможностью продемонстрировать роль измерения в формировании и изменении представлений о содержании концепта. Рассмотрение моделей измерения с точки зрения лежащих в их основании содержательных предположений позволяет раскрыть познавательный потенциал моделей, несводимый исключительно к формальным возможностям инструментов измерения установки. Изучение отношений моделей измерения и концептуальных представлений в отдельной области знания создает конкретные основания для ответа на более общий вопрос об адекватности представлений о ригидности формальных моделей, их нечувствительности к вызовам содержательного исследования, а также о степени

обоснованности радикальной критики и оценке реальных возможностей так называемого «количественного» подхода к социологическому исследованию.

Теоретико-методологические основания диссертации и степень научной разработанности проблемы исследования. В том или ином теоретическом контексте проблематика социальной установки в целом разрабатывалась в трудах широчайшего круга исследователей, который, однако, существенно сужается, если речь идет непосредственно о вкладе в прояснение ее концептуального содержания. Традиционно появление концепта «социальная установка» в социологии связывается с именами У. Томаса и Ф. Знанецкого¹. Наиболее заметное влияние на развитие концептуальных представлений о социальной установке в разное время оказали идеи А. Айзена, Р. Бейна, Г. Блумера, Б. Гавронски, Э. Гринвальда, М.Л. ДеФлера и Ф.Р. Уести, М. Занни и Дж. Ремпеля, Д. Каца и Э. Стотленда, Д.Т. Кемпбелла, Д. Креча и Р.С. Крачфилда, Р. ЛаПьера, Г.У. Олпорта, Р.Э. Парка и Е.У. Берджесса, М. Смита, Л.Л. Терстоуна, А.Уикера, Т. Уилсона, Р. Фацио, М. Фишбеина²; в отечественной социальной науке – А.Г. Асмолова, В.С. Магуна, П.Н. Шихирева, В.А. Ядова³.

Общие модели латентных переменных, используемые, в частности, для измерения социальной установки, своим появлением обязаны Х.М. Блейлоку, Ф. Гальтону и К. Пирсону,

¹ Thomas W.I., Znaniecki F.E. The Polish Peasant in Europe and America. Vol.1. Boston: The Gorham Press, 1918-1920.

² Ajzen I. Attitudes, Personality and Behavior. Chicago: Dorsey Press, 1988; *Allport G.W. Attitudes // The Handbook of Social Psychology* / Ed. by C. Murchison. Worcester: Clark University Press, 1935. P. 798-844; *Bain R. Theory and Measurement of Attitudes and Opinions // Psychological Bulletin*. 1930. Vol. 27. № 5. P. 357-379; *Blumer H. Attitudes and the Social Act // Social Problems*. 1955. Vol. 3. № 2. P.59-65; *Campbell D.T. Social attitudes and other acquired behavioral dispositions // Psychology: a study of a science* / Ed. by S. Koch. N.Y.: McGraw-Hill, 1963. Vol. 6. P. 94-172; *DeFleur M.L., Westie F.R. Attitude as a Scientific Concept // Social Forces*. 1963. Vol. 42. № 1. P. 17-31; *Fazio R.H. Multiple processes by which attitudes guide behavior: The MODE model as an integrative framework // Advances in experimental social psychology* / Ed. by M. P. Zanna. New York: Academic Press, 1990. Vol. 23. P. 75-109; *Fishbein M. Attitude and the prediction of behavior // Readings in attitude theory and measurement* / Ed. by M. Fishbein. New York: Wiley, 1967. P. 477-492; *Fishbein M., Ajzen I. Belief, Attitude, Intention, and Behavior: An Introduction to Theory and Research*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1975; *Gawronski B., Bodenhausen G.V. Associative and Propositional Processes in Evaluation: An integrative Review of Implicit and explicit Attitude Change // Psychological Bulletin*. 2006. Vol. 132. № 5. P. 692-731; *Greenwald A.G., Banaji M.R. Implicit social cognition: Attitudes, Self-Esteem, and Stereotypes // Psychological review*. 1995. Vol. 102. № 1. P. 4-27; *Katz D.L., Stotland E. A Preliminary Statement to a theory of attitude structure and change // Psychology: A Study of a Science* / Ed. by S. Koch. N.Y.: McGraw-Hill, 1959. Vol. 3. P. 423-475; *Krech D., Crutchfield R.S. Theory and problems of Social Psychology*. N.Y.: McGraw-Hill Book Co., 1948; *LaPiere R.T. Attitudes versus Actions // Social Forces*. 1934. Vol. 13. № 2. P. 230-237; *Park R.E., Burgess E.W. Introduction to the Science of Sociology*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1924; *Smith M.B. The Personal Setting of Public Opinions: A Study of Attitudes Toward Russia // Public Opinion Quarterly*. 1947. Vol. 11. № 4. P. 507-523; *Thurstone L.L. The Measurement of Social Attitudes // The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1931. Vol. 26. № 3. P. 249-269; *Wicker A.W. Attitudes versus Actions: The Relationship of Verbal and Overt Behavioral Responses to Attitude Objects // Journal of Social Issues*. 1969. Vol. 25. №4. P. 41-79; *Wilson T.D., Lindsey S., Schooler T.Y. A model of Dual Attitudes // Psychological Review*. 2000. Vol. 107. № 1. P. 101-126; *Zanna M.P., Rempel J.K. Attitudes: A new look at an old concept // The social psychology of knowledge* / Ed. by D. Bar-Tal & A.W. Kruglanski. N.Y.: Cambridge University Press, 1988. P. 315-334.

³ Асмолов А.Г., Ковальчук М.А. О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 143-163; Магун В.С. История исследований социальных установок (аттитюдов) // Хрестоматия по социальной психологии. М.: Международная педагогическая академия, 1994. С. 157-161; Шихирев П.Н. Социальная установка как предмет социально-психологического исследования // Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Отв. ред. Е.В. Шорохова, М.И. Бобнева. М.: Наука, 1976. С. 278-295; Ядова В.А. Диспозиции и реальное поведение личности // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979. С. 120-194.

К. Кумбсу, П.Ф. Лазарфельду, Л.Л. Терстоуну, У.С. Торгерсону, С. Райту, Г. Саймону, Ч. Спирмену, Р.Н. Шепарду¹, а специальные модели установочного измерения – Э.С. Богардусу, Э. Гринвальду и его коллегам, Л. Гуттману, Р. Ликерту (Лайкерту), Р. Льюсу и Дж. Тьюки, Р. Моккену, Ф. Олпорту и Д. Хартману, Ч. Осгуду, Л.Л. Терстоуну, Г. Триандису, Р. Фацио и его коллегам².

Анализу моделей установочного измерения с точки зрения заложенных в них возможностей и ограничений для получения научно обоснованного содержательного вывода в числе других посвящены публикации Г. Апшоу, Р.П. Багоцци, П.М. Бенглера и Дж. Спекарта, С. Бреклера, Б.Ф. Грина, И.Ф. Девятко, Р.М. Доуза, У. Кашнингхэма, К. МакНемара, Б. Ноусека, Т.М. Острома, С. Райса, Дж. Росса, Ю.Н. Толстовой, Д. Элвина³.

¹ *Blalock H.M., Jr. Causal Inferences in Nonexperimental Research.* Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1964; *Coombs C.H. A Theory of Data.* N.Y.: John Wiley & Sons, 1964; *Galton F. Natural Inheritance.* London & N.Y.: MacMillan and Co., 1889; *Lazarsfeld P.F. The Logic and Mathematical Foundation of Latent Structure Analysis // Measurement and Prediction / Ed. by S.A. Stauffer et. al.* N.Y.: John Wiley & Sons, 1966 [1950]. Vol. 4. P. 362-412; *Shepard R.N. The analysis of proximities: Multidimensional Scaling with an Unknown Distance Function. I // Psychometrika.* 1962. Vol.27. № 2. P. 125-140; *Shepard R.N. The analysis of proximities: Multidimensional Scaling with an Unknown Distance Function. II // Psychometrika.* 1962. Vol.27. № 3. P. 219-246; *Simon H.A. Models of Man. Social and Rational.* N.Y.: John Wiley & Sons, 1957; *Spearman Ch. The Abilities of Man. Their Nature and Measurement.* N.Y.: The Macmillan Company, 1927; *Thurstone L.L. The Vectors of Mind: Multiple Factor Analysis for the Isolation of Primary Traits.* Chicago: The University of Chicago Press, 1935; *Torgerson W.S. Multidimensional Scaling. Theory and Method // Psychometrika.* 1952. Vol. 17. № 4. P. 401-419; *Wright S. The Method of Path Coefficients // Annals of Mathematical Statistics.* 1934. Vol. 5. Sept. P. 161-215.

² *Allport F.H., Hartman D.A. The Measurement and Motivation of Atypical Opinion in a Certain Group // American Political Science Review.* 1925. Vol. 19. № 4. P. 735-760; *Bogardus E.S. A Social Distance Scale // Sociology and Social Research.* 1933. Vol. 17. P. 265-271; *Fazio R.H., Sanbonmatsu D.M., Powell M.C., Kardes F.R. On the automatic activation of attitudes // Journal of Personality and Social Psychology.* 1986. Vol 50. № 2. P. 229-238; *Greenwald A.G., McGhee D.E., Schwartz J.L.K. Measuring individual differences in Implicit cognition: The Implicit Association Test // Journal of Personality and Social Psychology.* 1998. Vol. 74. № 6. P. 1464-1480; *Guttman L. The Basis for Scalogram Analysis // Measurement and Prediction / Ed. by S.A. Stauffer et. al.* N.Y.: John Wiley & Sons, 1966 [1950]. Vol. 4. P. 60-90; *Likert R. A Technique for the Measurement of Attitudes // Archives of Psychology.* 1932. № 140. P. 1-55; *Luce R.D., Tukey J.W. Simultaneous conjoint measurement: a new scale type of fundamental measurement // Journal of Mathematical Psychology.* 1964. Vol. 1. № 1. P. 1-27; *Mokken R.J. A Theory and procedure of scale analysis. With applications in political research.* The Hague-Paris: Motone, 1971; *Osgood Ch.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H. The Measurement of Meaning.* Urbana: University of Illinois Press, 1957; *Thurstone L.L., Chave E.J. The Measurement of Attitude: A Psychophysical Method and Experiments with a Scale for measuring Attitude toward the Church.* 7th ed. Chicago: University of Chicago Press, [1929] 1964; *Triandis H.C. Exploratory Factor analyses of the Behavioral Component of Social Attitudes // Journal of Abnormal and Social Psychology.* 1964. Vol. 65. № 4. P. 420-430.

³ *Девятко И.Ф. Диагностическая процедура в социологии. Очерк истории и теории.* М.: Наука, 1993; *Толстова Ю.Н. Одномерное шкалирование: тестовая традиция в социологии (построение индексов, шкала Лайкерта, латентно-структурный анализ) // Социология: методология, методы и математическое моделирование.* 1997. №8. С. 54-65; *Alwin D.F. Making inferences from attitude-behavior correlations // Sociometry.* 1973. Vol. 36. № 2. P. 253-278; *Bagozzi R.P. The construct validity of the affective, behavioral, and cognitive components of attitude by analysis of covariance structures // Multivariate Behavioral Research.* 1978. Vol. 13. № 1. P. 9-31; *Bentler P.M., Speckart G. Attitudes "cause" behaviors: A structural equation analysis // Journal of Personality and Social Psychology.* 1981. Vol. 40. № 2. P. 226-238; *Breckler S.J. Empirical validation of affect, behavior, and cognition as distinct components of Attitude // Journal of Personality and Social Psychology.* 1984. Vol. 47. № 6. P. 1191-1205; *Cunningham W.A., Preacher K.J., Banaji M.R. Implicit attitude measures: consistency, stability, and convergent validity // Psychological Science.* 2001. Vol. 12. № 2. P. 163-170; *Daves R.M. Fundamentals of attitude measurement.* New York: Wiley, 1972; *Green B.F. Attitude Measurement / Handbook of Social Psychology / Ed by G. Lindzey.* Vol. 1. Theory and Method. Reading, London: Addison-Wesley Publ. Co., 1959. P. 335-370; *McNemar Q. Opinion-Attitude Methodology // Psychological Bulletin.* 1946. Vol. 43. № 4. P. 289-374; *Nosek B.A., Smyth F.L. A multitrait-multimethod validation of the Implicit Association Test: Implicit and explicit attitudes are related but distinct constructs // Experimental Psychology.* 2007. Vol.54. № 1. P. 14-29; *Ostrom T.M. The relationship between the affective, behavioral, and cognitive components of attitudes // Journal of Experimental Social Psychology.* 1969. Vol. 5. № 1. P. 12-30; *Rice S.A. Statistical Studies of Social Attitudes and Public*

Общие предположения о влиянии формальных методов на развитие содержательного знания не являются чем-то новым для социальных наук. Так одна из крупнейших фигур в социологии XX века – П.Ф. Лазарсфельд отмечает: «Существует множество исторических примеров <...> того, что сам предмет стимулировал развитие в области математических методов. И, напротив, вполне возможно, что применение математики влияет на способ, которым поведенческие науки формулируют свои проблемы»¹. Тем не менее, последовательное изучение этого влияния в конкретных областях знания остается актуальной задачей. Так, проблему развития концептуальных представлений о социальной установке под влиянием моделей ее измерения как таковую можно признать практически неразработанной. Нам неизвестны работы, раскрывающие природу этого влияния и/или тем или иным образом систематизирующие знание о нем. Исключение составляет публикация Т.М. Острома «Взаимосвязь теории и измерения установки»², в которой выборочно проанализированы отдельные проявления прямого и обратного влияния между моделями измерения и теоретическим знанием об установке и обосновывается задача детального исследования этих взаимовлияний.

В качестве объекта диссертационного исследования выступают, с одной стороны, представления о социальной установке как о научном понятии, с другой - модели измерения латентных переменных.

Предметом диссертационного исследования является характер влияния моделей, используемых для измерения социальной установки, на развитие представлений о ней как о научном понятии.

Цели и задачи исследования. Диссертационное исследование имеет двойную цель:

во-первых, раскрыть познавательные возможности моделей, используемых для измерения социальной установки посредством анализа условий и оснований становления моделей латентных переменных как способов формализации содержательных представлений об отношении явных и латентных признаков;

во-вторых, выявить этапы развития концептуальных представлений о социальной установке под влиянием моделей ее измерения и раскрыть характер этой взаимосвязи на каждом из этапов.

Opinion // Statistics in Social Studies / Ed. by S.A. Rice. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1930. P. 171-192; Ross J. Multidimensional scaling of attitudes // Attitude Measurement / Ed. by G. F. Summers. Chicago: Rand McNally, 1970. P. 279-293; Upshaw H.S. Attitude Measurement // Methodology in social research / Ed. by H. M. Blalock, Jr. and A. B. Blalock. New York: McGraw Hill, 1968. P. 60-111.

¹ *Lazarsfeld P.F.* Introduction: Mathematical Thinking in the Social Sciences / Mathematical Thinking in the Social Sciences / Ed. by P.F. Lazarsfeld. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1954. P. 3.

² *Ostrom T.M.* Interdependence of Attitude Theory and Measurement // Attitude structure and function / Ed. by A.R. Pratkanis, S.J. Breckler & A.G. Greenwald. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1989. P. 11-36.

Достижение цели предполагает решение двух групп задач соответственно.

Во-первых,

- 1.1. Проанализировать социально-научный контекст и теоретико-методологические основания появления моделей латентных переменных, используемых для измерения социальной установки.
- 1.2. Раскрыть характер предположений об отношении явных и латентных признаков, формализованных в той или иной модели измерения.
- 1.3. Выявить познавательные возможности и ограничения моделей латентных переменных в соотношении теоретических понятий и эмпирических наблюдений.

Во-вторых,

- 2.1. Выделить характеристики, определяющие содержание социальной установки в тот или иной период истории ее концептуальных представлений.
- 2.2. Идентифицировать источники формирования и/или изменения представлений о содержании концепта.
- 2.3. Специфицировать влияние содержательных и формальных предположений моделей измерения на решение вопросов концептуализации социальной установки.
- 2.4. Провести анализ развития представлений о социальной установке с точки зрения возможности выявления этапов со специфичным содержанием концепта.
- 2.5. Обнаружить характер влияния моделей измерения на концептуальные представления о социальной установке на каждом из этапов.

Научная новизна исследования:

- реконструирована история становления моделей латентных переменных (практически используемых для измерения социальной установки);
- выявлено значение содержательного знания и теоретико-методологического контекста для появления той или иной модели латентных переменных;
- выделены ключевые этапы развития концептуальных представлений о социальной установке под влиянием моделей ее измерения;
- раскрыта роль моделей измерения в формировании и изменении концептуальных представлений о социальной установке, тем самым продемонстрирована связь процессов концептуализации и измерения, и – более широко – теоретического и эмпирического уровней социологического исследования в отдельной области знания;
- обнаружены источники и закономерности развития представлений об имплицитной установке как новой концептуальной единицы в предметной поле установочных исследований.

Положения, выносимые на защиту:

1. Будучи связанными с проблемами концептуализации социальной установки, модели измерения в рамках социологического исследования выполняют не только «служебную» функцию обеспечения исследования эмпирическими фактами, но способствуют выявлению проблем концептуализации и подчеркивают значимость теоретического знания. Таким образом, познавательные возможности моделей измерения установки, рассматриваемые в контексте решения содержательных проблем, распространяются за границы, заданные их формальными предположениями.
2. Развитие моделей латентных переменных привело не только к значительному росту их познавательного потенциала, но и изменению представления о моделях измерения как таковых и, более того, к переоценке природы измерения, к его пониманию как процесса, взаимосвязанного с теоретическими (причинными) предположениями исследования.
3. Концептуальные представления о социальной установке в своем развитии проходят несколько этапов. Характерные черты каждого из этапов определяются не только специфическим содержанием представлений об установке, но и обнаруживают влияние моделей ее измерения.
 - 3.1. В 20-30-ые годы в условиях отсутствия какого бы то ни было согласия в способах концептуализации социальной установки разработка и применение моделей измерения способствовали развитию представлений о новом концепте и повышению его содержательной определенности.
 - 3.2. На этапе 40-ых – середины 50-ых годов концептуальное содержание установки во многом определяется предположениями, лежащими в основании появившихся и ставших популярными моделей измерения.
 - 3.3. В середине 50-ых – середине 70-ых годов в ходе активного развития теоретического знания в области установочных исследований модели измерения способствуют принятию представления об оценочном содержании концепта и задают направление в поисках решения проблемы предиктивной валидности, выступающей угрозой концептуальной состоятельности установки.
 - 3.4. В середине 70-ых – середине 90-ых годов познавательные возможности причинных моделей создают предпосылки для реконцептуализации социальной установки и решения вопроса о структуре концепта. В результате утверждается порожденное измерением раннее концептуальное представление об установке как одномерной оценке.
 - 3.5. На этапе середины 90-ых – 2000-ых годов предположения, лежащие в основе модели установочного измерения, оказываются источником возникновения представлений об

имплицитной установке – новой концептуальной единице, этапы концептуализации которой обнаруживают сходство с этапами развития представлений о традиционной установке под влиянием моделей ее измерения.

4. В истории исследований имеются факты не только прямого, но и обратного влияния между моделями измерения социальной установки, с одной стороны, и способами ее концептуализации – с другой, что дает основания для утверждения об их взаимосвязанности.

Теоретическая и практическая значимость работы

Представленное диссертационное исследование может рассматриваться как вклад в развитие методологии социологического исследования и может быть востребовано для проведения дальнейших изысканий в области взаимосвязи концептуализации и измерения в социологии.

Отдельные результаты могут быть полезны при организации эмпирических исследований, в частности, при планировании исследования с применением моделей латентных переменных для понимания возможностей и ограничений моделей, а также в ходе исследований социальной установки для разрешения концептуальных вопросов.

Материалы и результаты настоящей работы могут использоваться при разработке курсов или их фрагментов, посвященных методологии социологического исследования, истории методов в социологии, латентным переменным, теории и практике измерения, а также социальной установке как одному из значимых объяснительных концептов.

Апробация результатов исследования

Отдельные положения и результаты диссертационного исследования были представлены в тезисах и докладах на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы» (Москва, 30 сентября – 2 октября, 2003 г.), III Всероссийском социологическом конгрессе «социология и общество: проблемы и пути взаимодействия» (Москва, 21-24 октября 2008 г.), в рамках Девятой конференции Европейской социологической ассоциации “European Society of European Societies?” (Лиссабон (Португалия), 2-5 сентября 2009 г.), на III Всероссийской научной конференции памяти А.О. Крыштановского «Современные проблемы формирования методного арсенала социолога» (Москва, 17 февраля 2009 г.) и VI научно-практической конференции памяти А.О. Крыштановского «Современная социология – современной России» (Москва, 1–3 февраля 2012 г.).

Результаты, полученные диссертантом, отражены в 10 публикациях общим объемом 5,9 п.л., а также использовались в процессе преподавания дисциплин «Теория измерения в социологии» на факультете социологии, экономики и права Московского педагогического государственного университета (2002–2008 гг.), «Теория измерений в социологии» и «Моделирование в социологии» на социологическом факультете Российского государственного гуманитарного университета (2005–2011 гг.) и при подготовке соответствующих учебных программ и учебно-методических комплексов.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* обосновывается актуальность темы и показана степень разработанности проблемы диссертационного исследования, а также его теоретико-методологические основания. Определены объект, предмет, цели и задачи диссертации, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Глава первая «Социальная установка как латентная переменная: основания и познавательные возможности моделей измерения» посвящена анализу условий и оснований становления моделей латентных переменных как способов формализации представлений об отношении явных и латентных признаков; раскрывает познавательный потенциал общих моделей латентных переменных, в тот или иной период востребованных для измерения социальной установки, в решении содержательных проблем социологического исследования.

В параграфе 1.1. «Истоки возникновения моделей латентных переменных» выявляются основания и социально-научный контекст возникновения ранних моделей латентных переменных – классической теории тестов и модели общего фактора. Предварительно даются наиболее влиятельные формальные определения латентной переменной и общее представление о моделях латентных переменных.

Начало научного подхода к связыванию наблюдений с латентными характеристиками лежит в области изучения интеллектуальных способностей. Ф. Гальтон выдвигает предположение об относительной роли наследственности и среды: латентная переменная T (наследственность) определяет значения наблюдаемых переменных X (показателей интеллекта) с поправкой на действие случайных влияний среды e . Формальное описание гальтоновской модели измерения латентных переменных становится основным уравнением классической теории тестов: $X = T + e$.

Содержательные предположения о наследственной основе как о причине наблюдаемых связей позволяют связать с именем Ф. Гальтона и происхождение идеи локальной независимости, лежащей в основе, пожалуй, самого влиятельного формального определения латентных переменных. В диссертации подчеркивается, что идеи Ф. Гальтона, обладая самостоятельной ценностью, подготовили почву для появления новой модели, связывающей латентные переменные с их индикаторами, – модели факторного анализа.

Появление первой версии факторного анализа в работах Ч. Спирмена тесно связано со стремлением автора решить *содержательные* проблемы – выявить психологические латентные сущности, обладающие более высокой степенью общности, чем так называемые «умственные тесты» и, тем самым, восполнить недостающее звено в *теоретическом* обосновании исследований Ч. Спирмена, очевидно продолжая логику Ф. Гальтона, полагает, что любые две способности, в некоторой степени связаны друг с другом, в той же степени могут рассматриваться как определяемые общим (*general*) фактором. Общий интеллектуальный фактор *g* представляет собой некоторую *причинную* латентную сущность, объясняющую наличие корреляций между тестами интеллектуальных способностей. Практическое отсутствие строгого соответствия между результатами «умственных тестов» связывается с вмешательством специфичных для каждого теста факторов *s*, варьирующих от одной способности к другой. Так появляется «двухфакторная теория интеллекта» и тесно связанное с ней основное предположение первой версии факторного анализа: балл по любому «умственному тесту» определяется двумя факторами – общим *g* и специфичным *s*.

Представление Ч. Спирмена о природе латентной переменной и отношениях ее индикаторов получили формальное и содержательное развитие в связи с более поздними моделями латентных переменных. Ч. Спирмен был первым, кто осуществил попытку соединения *теоретического знания* с возможностями измерения и корреляционных методов. Его факторные идеи более чем на двадцатилетие определили направление исследований в области моделей с латентными переменными и предопределили появление новой версии факторного анализа, связанной с именем Л.Л. Терстоуна.

В параграфе 1.2. «Эволюция ранних моделей в теории тестов и в факторном анализе» показано, каким образом ранние идеи, лежащие в основе первых моделей латентных переменных, получили развитие в связи с новыми вызовами процесса исследования и влияниями содержательных идей в социальных науках, и как это привело к возникновению моделей латентных переменных с новыми познавательными возможностями.

В разделе отмечается, что идея факторного анализа как способа обнаружения и идентификации латентных сущностей соответствует взглядам Л.Л. Терстоуна на природу науки и научного знания: познание неограниченного числа феноменов возможно посредством

ограниченного числа понятий или идеальных конструктов. Поиск факторов, ведет к возможности в известном смысле экономно представлять данные, т.е. минимизировать ментальные усилия в познании определенного класса естественных феноменов.

Особое значение для диссертационного исследования имеет тот факт, что Л.Л. Терстоун обращается к поиску новых факторно-аналитических процедур, придерживаясь иных, нежели Ч. Спирмен, *содержательных* представлений о природе интеллекта. Идея о существовании множества обособленных интеллектуальных способностей заставляет Л.Л. Терстоуна вместо вопроса о том, обнаружится ли центральный интеллектуальный фактор g в корреляционной матрице, задавать вопрос об определении количества факторов, на которое указывают наблюдаемые связи. В разделе отмечается, что главная заслуга Л.Л. Терстоуна с точки зрения развития *формальной* модели состоит в матричной формулировке решения вопроса о факторизации. В контексте же настоящей работы существенно, что почвой для научного поиска и его результата – открытия, явившегося поворотным пунктом в развитии факторного анализа, стали *содержательные теоретические* представления. Именно они легли в основу ключевого предположения о возможности объяснения значений индикаторов связью с несколькими латентными переменными (факторами).

Связанность содержательного и формального проявилась и в стремлении Л.Л. Терстоуна к преодолению одной из самых слабых сторон факторного анализа – отсутствия однозначного решения проблемы факторных нагрузок. Оставаясь верным своей методологической установке, Л.Л. Терстоун предлагает принцип «простой структуры», дающий возможность перейти к научной интерпретации факторов – самой значимой процедуре факторного анализа, с точки зрения его создателя. В работе отмечается, что для Л.Л. Терстоуна этот метод («факторная теория») в первую очередь является не статистическим инструментом, но *вспомогательным средством решения содержательных проблем*, особенно в тех областях, где ощущается нехватка субстантивных теорий и *объясняющих концептов*. Терстоуновский многофакторный анализ был принят абсолютным большинством исследователей и в значительной степени вытеснил спирменовские методы.

Блестящие успехи в области факторного анализа не снимают вопросов о *форме связи* латентной характеристики и ее индикаторов, а также не компенсируют нехватку возможностей для анализа так называемых *качественных* данных, уровень измерения которых ниже интервального. Решения этих проблем были предложены в контексте актуальных исследований социальных установок. Первая формальная модель шкалирования монотонных (кумулятивных) признаков – шкалограммный анализ Л. Гуттмана отрывает новую веху в развитии моделей латентных переменных. Сама идея использования таких признаков была не нова и уже реализовалась в одной из самых ранних моделей измерения установок – шкале

социальной дистанции Э.С. Богардуса. Но шкалограммный анализ самим фактом своего появления представлял доказательство того, что использование кумулятивных признаков может явиться основой *формального* метода шкалирования, и предлагал первый систематический подход к анализу так называемых качественных переменных (установок).

В параграфе показано, что разработки Л. Гуттмана указали на возможность построения формальных моделей с различными операциональными характеристиками признаков и, тем самым, вошли в историю исследовательского направления, для которого вопрос о форме связи латентной переменной и ее индикатора является ключевым, – Item Response Theory (IRT). Модели IRT, обладают значительными возможностями для выбора математических форм характеристических кривых; также отмечаются другие отличия «сильной версии» теории тестов от классической.

Параграф 1.3. «Латентно-структурный анализ как обобщение моделей латентных переменных» раскрывает основания и познавательные возможности латентно-структурного анализа в области экспликация отношений латентных и явных переменных, а также некоторые подходы к решению проблемы соотнесения теоретических понятий и эмпирических наблюдений.

В диссертации отмечается, что стремление П.Ф. Лазарсфельда к систематизации научного знания объясняет его внимание к латентным характеристикам (в частности, к социальным установкам), которые традиционно рассматриваются как элементы, структурирующие наблюдаемые данные. Поиск оснований для выводов о латентных характеристиках с целью построения латентных классификаций становится основной идеей модели латентно-структурного анализа (ЛСА). Эта модель тесно связана с факторными идеями Л.Л. Терстоуна и идеями Л. Гуттмана об измерении «качественных» признаков с учетом их операциональных характеристик и обобщает факторно-аналитические и IRT-модели.

Центральное предположение латентно-структурного анализа – взаимосвязь между наблюдаемыми признаками обусловлена существованием латентной черты, – как показано в работе, обнаруживается уже в факторно-аналитических разработках Ч. Спирмена и в трудах Ф. Гальтона. П.Ф. Лазарсфельд впервые формализует это предположение в теореме локальной независимости, которая, фактически, связывает возможности формализации с концептуальным уровнем исследования. Для моделей с латентными переменными эта теорема выступает методологическим принципом, соотносящим латентные переменные, представляющие *теоретические понятия*, и *эмпирические наблюдения*. Она лежит в основании решений об исключении латентных переменных из модели объяснения или о включении в модель дополнительных *теоретически заданных* переменных, необходимых для объяснения имеющихся связей. Вплоть до разработки процедур конструктивной валидации, локальная

независимость индикаторов рассматривается как критерий при определении пригодности пунктов вопросника для построения латентных классификаций, т.е. валидности индикаторов.

В разделе показано также, что П.Ф. Лазарсфельд не ограничивается анализом латентных структур в узком смысле, для него проблематичным является и сам процесс соотнесения *теоретического понятия* с его индикаторами, он стремится раскрыть взаимоотношения между *содержательными проблемами* и методологией их анализа. В этой связи П.Ф. Лазарсфельд выдвигает концепцию качественного измерения, связывая концептуальный уровень и уровень наблюдаемых данных методом редукции понятий к индексам. Исходя из представления о вероятностном отношении индикаторов к латентному признаку, П.Ф. Лазарсфельд предлагает (небесспорный) метод повышения качества измерения за счет использования индексов.

Вероятностные отношения латентного признака и его индикаторов лежат в основании попытки *теоретического обоснования* отбора эмпирических показателей, предпринятой Л. Гуттманом. Он использует вероятностную модель выборки, сводя проблему поиска валидных индикаторов к проблеме осуществления качественной выборки из «универсума признаков». Идея Л. Гуттмана, очевидно являющаяся плодом достижений *формализации*, неявно подчеркивает значимость *теоретической* разработанности измеряемых понятий: определение границ универсума и отбор валидных индикаторов возможен исключительно на основании *содержательного* анализа. Применимость гуттмановской теории ограничивается неразработанностью процедуры оценивания универсума содержания, а также радикально позитивистским убеждением ее автора, что научный концепт должен определяться в терминах наблюдений. Фактически это означает редукцию латентной переменной к совокупности наблюдений. В диссертации делается вывод о том, что этот подход не решает вопросы валидности, а уходит от них. Тем не менее, симптоматичным является само обращение создателей *формальных* моделей измерения к проблемам валидации и созданию представлений о механизмах соотнесения *теоретического понятия* с его индикаторами (даже если это представление напрямую не ведет к практическому решению проблем или имеет существенные ограничения).

Параграф 1.4. «Аксиоматическое измерение: модель многомерного шкалирования» посвящен истокам возникновения модели многомерного шкалирования и анализу ее возможностей как модели латентных переменных в контексте поиска фундаментальных принципов систематизации знания в рамках аксиоматического подхода к измерению.

Поиски фундаментальных оснований измерения в 50-ые годы направляется представлением о том, что существует небольшое число базовых свойств (аксиом), из которых возможно выведение всех остальных как теорем, т.е., стремлением к аксиоматизации

измерения. Наиболее существенные достижения в этой области связывают с именами П. Суппеса, Д. Кранца, Д. Льюса, А. Тверски, К. Кумбса.

Аксиоматический подход подвергает критике психометрическую традицию измерения (идущую от Ф. Гальтона) в связи с отсутствием строгих оснований для интерпретации полученных числовых оценок и противопоставляет себя ей, рассматривая как адекватные лишь модели многомерного шкалирования. В разделе реконструированы ключевые моменты истории становления этих моделей, связанные с работами М.У. Ричардсона, У.С. Торгерсона, Р.Н. Шепарда.

Несмотря на то, что основаниям модели многомерного шкалирования уделялось специальное внимание уже в процессе ее создания, вопрос формальной обоснованности этой модели нельзя считать решенным. В работе отмечаются некоторые трудности аксиоматического обоснования модели, самая существенная из которых связана с неизбежностью использования непроверяемых допущений – *теоретических предположений*. В работе отмечается, что уже в ходе поисков оснований измерения было показано (К. Кумбс), что выводы, полученные на уровне измерения, так или иначе, уже являются следствием теории – любое знание о фактах определяется *теоретически*. Однако, как показано в диссертации, проблема *валидности* измерения для аксиоматического подхода оказывается значимой лишь номинально и практически не разрабатывается, затененная вниманием лишь к одной – формальной стороне измерения. Кроме того, модель многомерного шкалирования – при всех имеющихся различиях с факторным анализом в содержательных постановках задач – служит тому же поиску наиболее значимых латентных переменных, позволяющих экономно описывать наблюдения, и имеет те же ограничения в возможностях их *теоретической интерпретации*.

В параграфе 1.5. «Причинный подход во «вспомогательных теориях» и моделях измерения» показано, что обращение измерения к категории причинности привело не только к появлению новой модели, но и к возникновению принципиально нового подхода к соотношению теоретического и эмпирического языка в социологическом исследовании, а также к изменению представления о моделях измерения как таковых.

Идея аксиоматизации знания как средства его организации оказалась востребованной не только измерением, но и реализовалась в приложении к социальной теории – в построении аксиоматико-дедуктивных систем социального знания. В разделе демонстрируется, что усилия, предпринимаемые в этом направлении, – при всей проблематичности самого подхода – привели к развитию познавательных возможностей моделей социологического измерения и новому, принципиально иному представлению о способе соотношении теоретических абстракций и эмпирических наблюдений.

В контексте построения аксиоматико-дедуктивных систем Х.М. Блейлок находит решение проблемы ошибки измерения в способе концептуализации последней как результата *причинного* влияния внешних, не специфицированных в модели переменных. Необходимость в знании о причинном влиянии внешних переменных неразрывно связывает измерение с *социальной теорией*. Х.М. Блейлок проводит четкое и явное различие между теоретическим языком, средствами которого формулируются представления о причинно-следственных отношениях, и операциональным языком, в терминах которого осуществляется проверка исследовательских гипотез. Наличие теоретических понятий, несоотнесенных с операциями, по Х.М. Блейлоку, ведет к представлению о принципиальной непроверяемости *общей* и особом значении *вспомогательной* теории. Последняя конструируется в виде *причинной* диаграммы, в которой отражены взаимосвязи измеряемых и неизменяемых переменных в соответствии с общетеоретическими положениями.

Известно, что категории причинности, не является категорией языка эмпирического исследования. Признавая этот факт и связанные с ним ограничения, Х.М. Блейлок указывает на потенциал учета причинных отношений в процессе измерения. Он обращается к идеям Г. Саймона о возможности выстраивания формального определения причинности на представлении об асимметричности причинных отношений, которая может быть выражена через значения регрессионных коэффициентов. Указывая на наличие или отсутствие прямого *причинного* влияния, регрессионные коэффициенты, по сути, описывают *структуру* причинных связей (практически так же, как это делает причинная диаграмма). Развивая идеи Г. Саймона, Х.М. Блейлок демонстрирует, что модель причинного анализа позволяет осуществлять причинные выводы на основании корреляций между индикаторами переменных, которые сами по себе не могут быть измерены, т.е. латентных переменных.

В работе показано также, что причинные модели явились почвой для раскрытия потенциала многоиндикаторного подхода в определении качественных параметров измерения, в том числе – благодаря идеям Г.Л. Костнера – коэффициентов конструктивной валидности (представляющих связи латентных переменных с их индикаторами).

В диссертации отмечается, что появление причинных моделей указало, в частности, на узость определения моделей измерения как «описывающих и объясняющих наблюдаемые данные их зависимостью от ненаблюдаемых характеристик» и потребовало его пересмотра. Более того, работы Х.М. Блейлока, обнаружившие решающую роль концептуализации в построении модели измерения, сформировали новое понимание сущности измерения в целом. На смену традиционному представлению об измерении как о формальной процедуре приписывания числовых значений пришло более широкое представление об измерении как о процессе, внутренне связанном с теоретическим знанием. Не менее важен и тот факт, что

развитие принципов причинного моделирования не только подчеркивало значимость теории, но и содействовали росту внимания к проблеме соотношения теоретического и эмпирического уровня знания в социологическом исследовании и появлению новых решений в этой области.

Глава вторая «Этапы развития концептуальных представлений о социальной установке под влиянием моделей измерения» демонстрирует связанность истории социальной установки как концепта с историей применения тех или иных моделей латентных переменных для ее измерения; в этом контексте выделяются этапы развития концептуальных представлений о социальной установке, раскрывается характер связей концептуальных представлений и моделей измерения на каждом из этапов.

В параграфе 2.1. «Поиск концептуальных границ и подходы к измерению социальной установки в 20-30-ые годы» показано, как разработка и применение моделей измерения в процессе исследования социальной установки способствовали развитию концептуальных представлений о новом концепте и повышению его содержательной определенности.

В работе отмечается, что социальная установка как концепт, выступив специальным предметом исследования в У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», быстро приобрела популярность благодаря ее потенциалу в отношении объяснения социального действия. В связи с убежденностью У. Томаса и Ф. Знанецкого в нецелесообразности установления точного значения концепта до начала его активного применения интерес к социальной установке сопровождался возникновением хаоса в концептуальных представлениях. Включая широчайший класс явлений, установка оказалась универсальной детерминантой поведения с неопределенными границами содержания. В этой связи впервые ставится вопрос о его научном статусе.

Несмотря на проблемы концептуализации, популярность установок делает их весьма привлекательными для измерения. Представление о том, что феномены являются «объясненными научно», когда их закономерности являются математически определенными, придает развитию измерительных процедур решающее значение и задает новое направление в концептуализации установки. В основе моделей измерения установки (обладающих собственной содержательной спецификой) лежат формальные предположения теории тестов. Единство подхода к изучению субъективных характеристик определило распространение на установку предположений об *одномерности* и *латентности*. Последнее требует косвенного измерения через наблюдаемые показатели. Тестологическое допущение ошибки измерения при выводе значения латентной переменной является источником представления о мнении как вербальном выражении установки и природе их несоответствия. Однако общее принятие латентного статуса концепта ограничивается влиятельностью бихевиористской концептуализации установки как поведенческого паттерна.

Предположение об одномерности явно обнаруживается в определении, сформулированном Л.Л. Терстоуном. Он трактует социальную установку как величину позитивного или негативного «аффекта», направленного на объект, сводя содержание концепта к *одномерной оценке*. Такое понимание установки несло содержательную определенность, отвечало требованиям измерения и было востребовано при конструировании шкал, но очевидно контрастировало с большинством уже имеющихся представлений. Терстоуновское определение выносит вопрос об отношении установки к действию за границы ее сущности и тем самым снимает с нее обязательную ответственность за *предсказание поведения*. Направленность на конкретный установочный объект исключает возможность отнесения широчайшего класса явлений к установкам. Хотя концептуальные представления остро нуждались в прояснении, идеи Л.Л. Терстоуна казались слишком радикальными, грозящими умалением научного потенциала концепта и не были должным образом приняты.

В работе показано, что измерение также сыграло заметную роль в формировании знания о *свойствах установки*. Характерно, что понятия *общности* и *специфичности* в рамках теоретической дискуссии и терминологически, и содержательно имеют полное совпадение с понятиями факторного анализа. Ранние работы по установочному шкалированию обогатили концептуальные представления об установке знанием о тесной связи ее *интенсивности* с уверенностью респондента в выраженном мнении. Высокая ретестовая надежность установочных шкал явилась основой представлений о *стабильности* установки.

Необходимость четкого представления о содержании предмета измерения для конструирования тех или иных технических средств определила заинтересованность и участие измерения в разрешении концептуальной проблемы. Будучи тесно связанным с теоретическим знанием проблемами концептуализации, развитие моделей способствовало прояснению и упорядочению концептуальных представлений, более того, оно стало источником идей для теоретического объяснения.

В параграфе 2.2. «*Концептуальное содержание установки в 40-ые – середине 50-ых годов как отражение предположений моделей измерения*» обосновывается, что характерной чертой процесса концептуализации установки этого периода является доминанта формальных предположений моделей измерения.

В 40-ые годы в условиях выраженного влияния методологии неопозитивизма изучение таких субъективных явлений, как установка, предположительно объясняющих наблюдаемое поведение, признается «законным» и научно обоснованным в случае, если оно осуществляется на основе открытых объективных проявлений. Отношения установки и наблюдаемых поведенческих реакций, как известно, описываются моделями измерения. Прямое назначение этих моделей – инструментальное обеспечение возможностей для получения точного знания об

установке. Но специфика 40-50-ых годов определяет их роль шире: предположения, лежащие в основании моделей измерения, оказываются неразрывно связанными со способами концептуализации установки. Это является характерной чертой этого периода.

М.Л. ДеФлер и Ф.Р. Уести, рассматривая логическую структуру концепта, выделяют два типа концептуальных определений, или две основные концепции установки: «вероятностную» и «концепцию латентного процесса». Вероятностная концепция приравнивает установку к вероятности повторения определенных форм поведения – к структуре установочных реакций. Концепция латентного процесса предполагает, что установка – «гипотетическая» переменная, опосредующая согласованность наблюдаемых реакций и выводимая из них. Предполагается, что эти концепции используются как «вспомогательные средства» для моделей измерения. В диссертации показано, что глубина проблемы концептуализации состоит в том, что эти концепции являются лишь отражением известных модельных предположений установочного измерения и, отчасти, методологии логического позитивизма. Установка практически лишена теоретического наполнения, и ее отношение к наблюдаемому поведению определяется как модельное отношение переменной, подлежащей измерению, к ее индикаторам.

Вероятностная концепция четко отвечает требованию наблюдаемости, предъявляемому логическим позитивизмом, и полностью соответствует предположениям шкалограммного анализа – модели, позволяющей измерять установки без постулирования латентного континуума, прямо через наблюдаемую реакцию на пункты. Вероятностная концепция установки, не имея собственно теоретического содержания, не решает основную задачу концептуального определения – задачу соотнесения концепта с другими теоретическими понятиями в рамках той или иной теоретической перспективы и накладывает серьезные ограничения на возможности использования установки как объяснительного концепта в теории. Концепция *латентного процесса* не менее проблематична – ее ядром являются предположения модели факторного анализа. Определение установки через согласованность, т.е. взаимосвязанность реакций совершенно недвусмысленно отсылает к представлениям о природе латентного фактора и теореме локальной независимости, которая является чисто статистическим предположением, необходимым для вывода латентных величин. Концепция латентного процесса фактически приравнивает установку к латентной переменной вообще, вне зависимости от содержания.

Модель многофакторного анализа используется также для выстраивания иерархической структуры установок по степени их *общности* (в контексте дискуссии об общности/специфичности). Строгая научность этих открытий обосновывается тем, что является основанием для их критики – полной зависимостью от эмпирического факта корреляции. Факторы без всяких ограничений рассматриваются как полноценные конструкты.

Стремление к получению представлений о *свойствах установки* с помощью формальных моделей обнаруживается и в исследовании Л. Гуттманом некоторых формальных характеристик шкалограммы, исходя из теоретически не разработанного предположения об их отношении к установочным свойствам.

Таким образом, возросшие возможности моделей измерения в обнаружении эмпирических фактов не ограничиваются и не направляются теоретическим знанием. Концептуальные представления или отражают особенности формальных моделей измерения, или подменяются плохо обоснованными догадками о природе эмпирических наблюдений. Появление в этот период представления о трехкомпонентной структуре установки, являясь значимым событием, не снимает множества принципиальных вопросов к установке как научному концепту, главные из которых касаются неопределенности его содержания и отношения к действию, т.е., его предиктивной валидности.

В параграфе 2.3. «Возможности и ограничения моделей измерения в решении вопроса о предиктивной валидности установки в середине 50-ых – середине 70-ых годов» демонстрируются прямые и косвенные взаимосвязи моделей измерения с вопросами концептуализации установки в контексте проблемы установочно-поведенческого отношения.

Необходимость прояснения концептуального содержания установки в целом и, главным образом, ее отношения к наблюдаемому поведению осознается как актуальная исследовательская задача. В ответ на «парадокс ЛаПьера», предлагается целый ряд моделей объяснения установочно-поведенческой рассогласованности. В диссертации эти модели рассматриваются с позиции их вклада в развитие концептуальных представлений об установке в связи с моделями измерения. С этой точки зрения выделяются два класса объяснений: 1) не способствующие развитию концептуального содержания установки и 2) способствующие ему. И те, и другие тем или иным образом оказываются связанными с моделями измерения.

В первом случае можно говорить об атеоретичном подходе, механически использующем формальные модели измерения. Так, Д.Т. Кемпбел интерпретирует «парадокс ЛаПьера» в духе гуттмановской модели шкалирования, предполагая, что установка может быть связана с поведением не в корреляционном, а в кумулятивном смысле. По сути тот же подход используется при объяснении установочно-поведенческого отношения через учет влияния «других» переменных (А. Уикер), или через принятие постулата «условной согласованности» (Л. Уорнер, М. ДеФлер): установка – лишь одна из многих переменных, определяющих поведение. Это объяснение заимствует логику регрессионной модели. Общеизвестно, что включение в регрессионное уравнение дополнительных независимых переменных ведет к увеличению объясненной вариации. Проблематичность такого подхода также общеизвестна – бессистемное накопление эмпирических фактов.

Использование логики формальных моделей оказывается не достаточным для решения концептуальных проблем. Развитие концептуальных представлений (второй класс объяснений) происходит в непосредственной связи с теоретическим знанием, но не без использования возможностей моделей измерения. Причем взаимные влияния имеют довольно сложную «траекторию». Так, техника семантического дифференциала появляется как побочный результат усилий Ч. Осгуда по разработке инструмента измерения в экспериментальной семантике на основании возможностей факторной модели. Анализ содержания установочных определений привел к идентификации *оценочного фактора* семантического дифференциала как установки, что способствовало актуализации *терстоуновской концептуализации* установки. Представление об установке как предрасположенности к благоприятной или неблагоприятной *оценке* содержится, возможно, в наиболее влиятельном определении этого периода Д. Каца и Э. Стотленда.

Однако идея М. Смита о трехкомпонентной структуре установки весьма популярна, несмотря на то, что ее конативный компонент, предполагая реальные или потенциальные поведенческие реакции, создавал ощутимые трудности в концептуальном различении поведения и установки. Решению вопроса о теоретической ценности различения структурных компонент установки (и, как следствие, о целесообразности их раздельного связывания с поведением) способствовало осознание адекватности ему метода конструктивной валидации Д. Кемпбелла и Д. Фиске. На основании анализа ММ-матриц показано, что каждая из трех компонент установки обладает уникальной вариацией, не разделяемой двумя другими (хотя компоненты тесно связаны).

Совершенно иное, но весьма влиятельное представление об организации структурных элементов установки было предложено М. Фишбеином. Он признает *оценочную* природу установки и представляет модель установки как когнитивно фундированной оценки. В этой модели сущностное ядро установки сжато до единственной значимой характеристики. Когнитивная составляющая определяет установку, но не является ее структурным элементом. Это позволяет говорить о близости модели терстоуновским концептуальным представлениям. М. Фишбейн и А. Айзен эксплицируют отношения всех традиционных установочных компонент и наблюдаемого действия в одной концептуальной рамке: предполагается, что установки (оценки), основываются на убеждениях (когнициях) и связаны с поведением через ингенции (поведенческие намерения). Концептуализация М. Фишбейна и А. Айзена принципиально выделяется явным постулированием *причинных* отношений между элементами модели.

В работе показано, что движение в области субстантивных представлений об установочно-поведенческих отношениях в этот период дополнилось распространением

революционных идей Х.М. Блейлока о неразрывной связи теоретического знания, концептуализации и измерения. К середине 70-ых годов были осознаны возможности моделирующего подхода в прояснении концептуальных отношений в области исследования установки, обосновывается принципиальная невозможность вывода о предиктивной валидности установки на основании простых корреляционных данных. Однако факты практической реализации возможностей причинного моделирования для решения вопросов о теоретическом отношении установки и поведения отсутствовали.

В параграфе 2.4. «Реконцептуализация установки в середине 70-ых – середине 90-ых годов: роль причинных моделей измерения» раскрывается относительная значимость возможностей причинного анализа как формальной модели измерения и теоретической разработки содержания понятия в решении проблем концептуализации установки. Также показаны концептуальные основания появления нового метода измерения установки.

С середины 1970-ых годов исследовательский интерес от вопроса, связаны ли установки с поведением, смещается к вопросу о том, каким образом они связаны. Нехватка *объяснительных* гипотез в установочной области стала еще более явной с появлением возможности практической реализации преимуществ моделирующего подхода (благодаря компьютерной революции, реализации идей К. Йорескога и П. Бенглера в LISREL и EQS соответственно, успешному развитию статистических процедур).

В диссертации показано, что в этих обстоятельствах появляется множество исследований, направленных на проверку *причинных гипотез* об отношении установки к тем или иным теоретически значимым переменным. Внимание к причинным отношениям установки с такими переменными, как поведение, убеждения (когниции) и эмоции (аффекты), с точки зрения представлений о ней как о концепте актуализирует неразрешенный структурный вопрос. Главной альтернативой трехкомпонентной модели выступает трактовка установки как основанной на убеждениях одномерной оценки.

Применение причинных моделей привело к созданию предпосылок для произошедшей в конце 80-ых годов *реконцептуализации* установки. Сосредоточившись на анализе *теоретических* предположений исследований, М. Занна и Дж. Ремпель обнаруживают концептуальные проблемы в обеих конкурирующих моделях установки и предлагают новую концептуализацию, в основе которой лежит старая терстоуновская идея: установка рассматривается как «локализация объекта на *оценочном* измерении». Тем самым, содержание концепта и, следовательно, его научный статус оказывается вне зависимости от отношения к каким бы то ни было другим теоретическим понятиям. При этом убеждения, эмоции и поведение выступают не в качестве индикаторов установки или ее компонент, а как концептуально независимые переменные, связанные с установкой *причинными* отношениями.

Реконцептуализация установки, очевидно, не могла осуществиться до появления и начала активного использования моделирующего подхода в области измерения установки. Применение причинных моделей со всей мощью их познавательного потенциала демонстрирует бесплодность применения формального инструмента в отсутствие внимания к *теоретическому анализу содержания*. Новая концептуализация установки уже в 90-ые годы стала широко принятой, а трехкомпонентная структура стала упоминаться как «ранняя модель». Вопрос о структуре установки был разрешен.

В этот период обнаруживается новое направление в исследовании проблемы отношения установки, ее свойств и поведения. Возрастает внимание к исследованиям спонтанного, осуществляемого с минимальными когнитивными усилиями действия. Р. Фацио представляет модель, интегрирующую контролируемый и спонтанный процессы детерминации поведения установками. Концептуальное представление о связи силы установки и ее способности к автоматической активации и поведенческому контролю обусловило появление нового метода измерения установки, не подразумевающего обращения к данным самоотчетов, – оценочного прайминга (*evaluative priming*). С формальной точки зрения метод оценочного прайминга, отвечая новым вызовам концептуализации установки, возвращается к модели *теории тестов* с ее возможностями и ограничениями.

В параграфе 2.5. «Особенности и закономерности развития представлений об имплицитной социальной установке в середине 90-ых – 2000-ые годы» раскрываются источники возникновения представлений об имплицитной установке как концепте и демонстрируется идентичность этапов их развития с этапами концептуализации традиционной социальной установки в связи с моделями ее измерения.

С середины 90-ых годов значительное влияние приобретают идеи о том, что требующий усилий сознательный контроль над социальным поведением имеет место при определенных и относительно редких обстоятельствах. Установившийся акцент на изучении автоматических установок и специфика подхода к их измерению приводит к появлению новых концептуальных представлений. Измеряемый конструкт приобретает свойства инструмента измерения: поскольку меры автоматически активируемых установок не предполагают сознательной интроспекции, сами установки начинают рассматриваться как интроспективно недоступные, т.е. *неосознаваемые*. Несмотря на механистичность такого переноса, автоматически активируемые установки стали прочно идентифицироваться с неосознаваемыми оценками. Так вводится представление о новой концептуальной единице – *имплицитной* установке.

Отсюда возникает представление о том, что классические установочные шкалы измеряют доступные сознанию эксплицитные установки, а новые меры – неосознаваемые имплицитные. Сами методы измерения, следуя той же логике, делятся на «имплицитные» и

«эксплицитные». Закреплению этого представления и востребованности нового концепта в значительной степени способствовала разработка теста имплицитных ассоциаций (Э. Гринвальда и др.). Так же, как метод оценочного прайминга, этот тест осуществляет измерение автоматически активируемых установок, но существенно упрощает процедуру.

Активное использование новых измерительных инструментов породило новую волну дискуссии по поводу концептуализации установки. В частности, в прояснении нуждались отношения конструкторов, отражением которых являются имплицитные и эксплицитные меры. К концу 90-ых утвердились две основные позиции: 1) различия между мерами отражают различия между двумя установками: имплицитной (истинной) и эксплицитной (отражающей социальную желательность) (Э. Гринвальд, Дж. Довидио); 2) различия относятся только к мерам, которые отражают один и тот же конструктор (Р. Фацио). Изменение направления этой дискуссии произошло в результате анализа конструктивной валидности установочных мер (У. Каннингхэм, Б. Ноусек и Ф. Смит). Обнаружилось, что ни одна из двух ранних моделей отношения мер и конструкторов не отвечает наблюдениям: имплицитные и эксплицитные меры измеряют разные, но связанные конструкторы. Как следствие, интерес исследователей смещается к вопросу об условиях их взаимосвязи.

В целом, в развитии представлений об имплицитной установке можно отметить общую тенденцию к повторению ключевых этапов концептуализации традиционной установки в связи с моделями ее измерения, но в значительно более короткие сроки в условиях уже имеющихся возможностей методологии. Так, суждение Г. Олпорта середины 30-ых годов о том, что «установки сегодня измеряются более успешно, чем определяются» оказывается абсолютно точным и в отношении начального этапа исследований имплицитной установки в 90-ые годы. Прохождение «эмпирического» этапа с беспорядочным накоплением наблюдений и неразвитыми концептуальными представлениями, во многом определяемыми допущениями измерительных моделей, и для имплицитной, и для традиционной эксплицитной установки заканчивается к 60-ым и 2000-ым годам соответственно признанием необходимости теоретического осмысления полученных результатов и соотношения содержания исследуемого концепта с другими теоретически значимыми понятиями.

Имплицитной установке счастливо удастся избежать попыток выведения ее содержания из фактов эмпирической связи (как это случилось с традиционной установкой в 40-ые – 50-ые годы). Эмпирические данные о наличии двух конструкторов прямо привели к осознанию необходимости развивать теоретические модели объяснения.

Сценарий поиска объяснений также не нов – через попытки идентифицировать условия искомой связи, т.е. через поиск «третьих» переменных (Б. Ноусек), так же, как в 60–70-ые годы в процессе решения вопроса о предиктивности установки в отношении поведения.

Во второй половине 2000-ых этот вопрос поднимается и в связи с имплицитной установкой. Таким образом, в теоретическом объяснении нуждается и имплицитно-эксплицитное, и установочно-поведенческое отношение. Объяснительные модели были предложены (Т. Уилсоном и Р. Фацио). Каждая из них обнаруживает неразрешенность тех или иных концептуальных проблем.

Во второй половине 2000-х годов имплицитная установка подошла к кризису концептуализации и пересмотру основных ранних представлений, как это произошло с традиционной установкой во второй половине 80-ых. Б. Гавронски его коллеги предлагают модель ассоциативно-пропозиционального оценивания, объясняющую рассогласованность имплицитных и эксплицитных мер и их отношение к поведению без опоры на предположения о неосознаваемости имплицитной установки, ее временной и контекстуальной стабильности и неподверженности социальной желательности. Новые вызовы концептуальным представлениям звучат со стороны конструкционистского подхода (Н. Шварц) и коннекционистских моделей (Ф. Конрей и Э. Смит).

В *Заключении* подводятся общие итоги исследования, сформулированы основные выводы относительно влияния моделей измерения социальной установки на способы ее концептуализации.

Публикации по теме диссертации

Публикации в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций:

1. Крупенкова Н.В. О возможности объединения моделей Л.Л. Терстоуна и Р. Лайкерта в единую модель шкалирования //Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2003. № 17. С. 109-141. – (1,1 п.л.).
2. Крупенкова Н.В. Социологическое измерение: становление моделей с латентными переменными (часть 1) //Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2008. № 26. С. 5-43. – (1,3 п.л.).
3. Крупенкова Н.В. Социологическое измерение: становление моделей с латентными переменными (часть 2) //Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2008. № 27. С. 48-84. – (1,3 п.л.).

Другие публикации:

4. Крупенкова Н.В. Построение шкалы для измерения социальной установки «склонность к самостоятельности в принятии решений» // Социально-гуманитарные науки и проблемы комплексного исследования российского общества. Сборник научных трудов факультета социологии, экономики и права МПГУ, М.: ООО «Гном-Пресс», 2000. С. 133-139. – (0,4 п.л.).
5. Крупенкова Н.В. Модели взаимодействия социальной установки и поведения / Социологические опыты: сб. науч. статей / Сост. Т.Н. Короткова; отв. ред. Г.Г. Татарова, М.: Изд-во ИС РАН, 2002. С. 90-103. – (0,6 п.л.).
6. Крупенкова Н.В. Логика совместного применения моделей Л.Л. Терстоуна и Р. Лайкерта для измерения социальной установки / Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». М.: Альфа-М, 2003. Т.1. С. 261. – (0,1 п.л.).
7. Крупенкова Н.В. История становления моделей с латентными переменными в социологическом измерении. Тезисы доклада на сессии «Методология социологических исследований» // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008. [Электронный ресурс] URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=763§ion=4&alfavit=* – (0,1 п.л.).
8. Krupenkova N.V. History of Latent Variable Models Emergence in Sociological Measurement // European Society or European Societies: a View from Russia / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow-Lisbon : Maska, 2009. P. 194-195. – (0,1 п.л.).
9. Крупенкова Н.В. Потенциал причинных моделей в соотношении теоретического и эмпирического языков социологического исследования // Современные проблемы формирования методного арсенала социолога. Материалы Всероссийской научной конференции памяти А.О. Крыштановского / Ред. совет: Воронина Н.Д., Градосельская Г.В. и др. М.: Мaska, 2009. С. 269-279. – (0,4 п.л.).
10. Крупенкова Н.В. Концептуализация и измерение: роль моделирующего подхода в решении вопроса о структуре социальной установки // Современная социология – современная Россия. Сборник статей памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А.О. Крыштановского / НИУ ВШЭ; РОС; СоПСо. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 174-184. [Электронный ресурс] URL: http://www.hse.ru/data/2012/12/03/1302112110/1_Современная%20С6.%20памяти%20А.О.%20Крыштановского%202012.pdf – (0,6 п.л.).

Подписано в печать: 03.04.2013

Заказ № 8321 Тираж - 100 экз.

Печать трафаретная. Объем: 1,5 усл.п.л.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru